

# ОСВАИВАЯ ОПЫТ СОВРЕМЕННОЙ СЦЕНЫ

Актеру, выступающему со своей театром, о своем коллективе, всегда чрезвычайно трудно. Потому что он имеет дело с двумя сторонами жизни театра. Одна — внешняя, состоящая из спектаклей, каких-то достижений, чехов-удачных дебютов, отзывов в прессе и т. п. Другая — внутренняя, напряженная, с поисками и сомнениями, радостями побед и горечью разочарований, столкновениями десятков подходов к делу и пониманием актерских и режиссерских задач, то есть всем тем, без чего немиссия творческий коллектив. И приходить такое время для актера, когда в силу профессиональной необходимости, по праву «эстажа» он сам должен не только опираться на эти проблемы, но и каким-то образом влиять на них.

Это диктуется еще и тем, что наш театр носит название академического. Именно он призван осваивать лучший опыт советской сцены, у него должны учиться другие театры республики, их актеры во многом и невольно перенимают у нас полные приемы и актерской работы, и режиссуры, и оформления. Ко всему прочему почти все таджикские театры явно ориентированы на музыкальную комедию, в которой находят место и песни, и танцы, и кляузы — все то, что так близко старинным народным представлениям. А освоение опыта русского и мирового профессионального театра идет прежде всего через наш театр, и он должен быть школой для других театров республики.

Разговор об ответственности коллектива академического театра тем более необходим сейчас, когда мы отмечаем 50-летие республики и Компартии Таджикистана. Ведь юбилей — не только поздравление итогов, но и призыв к планам на будущее.

Помню, четырнадцать лет назад, когда после окончания театрального института, мы, очередная группа молодых актеров, пришли в театр, для нас все казалось недостижимым, значительным, в какой-то мере загадочным. Было большой честью работать рядом с такими мастерами, как народный артист СССР М. Касымов, народная артистка республики С. Туйбаева, другими ветеранами сцены, многие из которых работают рядом с нами и сейчас. Их помощь, забота, особенно со стороны М. Касимова, во многом помогла формированию актерского дарования тогдашних молодых.

Мы играли в пьесах классических и современных, советских и зарубежных авторов. Наследуя осязая стиль приволжский, романтический. На эту особенность нашего театра указали в критике во время наших прологических гастролей в Москве. Сами факты выступления на московской сцене — свидетельство роста и зрелости таджикского профессионального театра, в актере которого не было творческих суждений. Уже на моей памяти в театре были поставлены такие спектакли, как «Коварство и любовь», «Раммо», «Мачехи», «Востан в Сухроб», «Эпоха», «Реквием», «Принцесса матери», «Я — Фатхидинов»,

включающиеся веками в развитие театрального искусства республики.

Ныне Таджикский академический драматический театр — это и разнообразный репертуар, и сильная актерская группа, и поиски в режиссуре — короче, все, что свойственно настоящему творческому коллективу.

Но есть у нас и то, чем наш театр отличается от других. Современные постановки насыщены мыслью. Интеллектуализм — ведущее направление в современном театре. Но иногда нарушение равновесия между мыслью и чувством делают спектакли не интеллектуальными, а рациональными, они получают суховатый. Надо такую постановку, как «Шар Фелор Иоанновича» на московской сцене, критика упрекала за то, что она бесстрастна, не затрагивает чувства зрителей.

Наши актеры не потеряли той живости, непосредственности, которую сейчас утратили некоторые театры. Но если говорить о целенаправленности, точности режиссуры, личности актерского рисунка, то нам, конечно, еще нужно многое учиться. Вот мне и хочется остановиться на некоторых проблемах, актуальных на мой взгляд, для нашего театра.

Одна из них — установление традиций, единого стиля, повторяемого лица театра. Задача эта сложная, и ее решение зависит от всего коллектива — руководства, режиссуры, актеров, художников. Тут нужно долгосрочное планирование, умение направ-

лять поиски коллектива по одному руслу. И, конечно же, очень важно, чтобы какие-то сиюминутные, сегодняшние заботы о таких вещах, как план, «кассетность» постановки, не заслонили основной, магистральной задачи театра. Торпливость, спешка, неожиданная

## ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

смена репертуаров и т. д. не способствуют созданию той творческой обстановки, в которой возможны и настрои актера на игру, и продуманность спектакля, его глубокое решение.

Мы многого достигли. По опыту наших соседей, лучших театров страны выдвигает перед нами новые требования. Вспомню, к примеру, такой боирос, как ансамблевость спектакля. Ушли в прошлое те времена, когда спектакль являлся по существу от одного актера. Скажем, если ставился «Отелло», то он ставился на расчете на какого-то выдающегося исполнителя, а все остальные просто подыгрывали ему. Теперь, когда возросла роль каждого артиста и каждый должен только чувствовать и понимать партнера.

Современный зритель открыто равнодушен к актерам, которые от спектакля к спектаклю играют одинаково, «по заученному». Он хорошо чувствует, когда происходит сиюминутное рождение образа, когда совершается сам акт творчества.

Для меня лично идеалом

актерской работы служит И. Смоктуновский. Мне посчастливилось дважды видеть его в «Шаре Федоре Иоанновича», и каждый раз он играл по-иному, находя новые краски. Но насколько сложно достижение ансамблевости, видно из того, что и в постановке Малого театра не все актеры играли в унисон. Только актриса Кирюшина в роли парижки Ирины поднималась до полного слияния со Смоктуновским. Чем и достигалось ощущение необычной жизненной правды.

Я сам мучительно переносил пассивность партнера, и укоряю себя, когда такое случается со мной. Есть актеры, которые всегда в «форме». В форме бездушиности. Они бесстрастно выходят на сцену, «правильно» говорят свои реплики и уходят. Зрительское равнодушие — закономерная реакция. В актере все должно возникнуть сегодня, заново. Без этого невозможно подлинное искусство. Слабая, без вдохновения игра одного так опасна «потонуть» в ней другим, а значит, и весь спектакль. Я говорю об этом не потому, что так бывает часто. Напротив, в театре немало отличных актеров, таких, как А. Мухомеджанов, Х. Гадов, Б. Ражабов, творчество которых мне импонирует и который мне чудно равнодушнее на сцене.

Мы, правда, иногда пасивны в воплощении своих замыслов. Минута под после большого и серьезного разговора в Москве, а вот! Два не ослепительных спектакля. Сейчас у нас намечены обширные планы, в которых — и русская, и

иранская классика. Хорошо, если все это будет осуществлено вовремя. А то ведь, к примеру, разговор о постановке «Гамлета» возник семь лет назад, да так и остался разговором.

Отрадно, что за последнее время усилился приток свежих авторских сил. Появилось несколько пьес на современные темы. Но как часто мы не знаем подлинной глубины, убедительности, художественности. Кажется, речь в них идет о жизненных фактах и проблемах, но будучи отраженными поверхностно, неумело, они не волнуют, не становятся художественным достоянием. Помню правду факта должна была являться искусством, только она способна вознуждать зрителя. Пусть не обожгаются на меня драматурги, но редкая пьеса на современные темы не оставляет осадка неудовлетворенности.

Особенно бережного и ответственного отношения заслуживает историко-революционная тема. Уже если драматург обращается к героическим страницам истории, то он должен быть чрезвычайно требовательным к себе, не полагаться на то, что ему многое простится из-за значимости и трудности самой темы.

Не могу не коснуться и еще одной проблемы — театр и зритель. И здесь я уже прямо обращаюсь к читателям, к нашим зрителям. Театр — очень четкий организм. Режиссер эпизодом помогает входить в правду, в общность, полноту. Но это возможно только при постановке, сложившейся аудитории. Однако сейчас в

аудитории большинство зрителей составляют те, кого можно назвать зрителем случайным. Он организована администрация, а не пришел по внутреннему зову. Такой зритель не готовится к встрече с искусством, не настроивается на общение с актером. Конечно, а наш лек обилия информации, век телевидения требует достаточной самодисциплины, чтобы ходить в театр.

Иногда слышишь: не идут в театр, потому что неинтересная постановка, неинтересная пьеса. Но вот мы ставим «Восхождение на Фудзияму». Не мне сказать, может быть, мы не достигли подлинной высоты этой пьесы. Но ради самой драматургии Чингиза Айтматово нужно было идти в театр. Согласен, многое в привлечении зрителя к театру зависит и от театра. Я бы сказал, задача взаимная. Воспитание постоянной театральной публики — это тоже, на мой взгляд, задача сегодняшнего дня театра.

Заканчивая эти заметки, я искренно вспоминаю, что уже второй год труппа театра пополняет и выпускники нашего института искусства. И среди них есть очень одаренные ребята. Неделю пот лени, когда вслед за актерским придет и режиссерское пополнение, появятся новые возможности при формировании репертуара. Все это укрепляет надежды на дальнейший творческий рост нашего театра, на его новые завоевания.

М. ВАХИДОВ,  
народный артист  
Таджикской ССР.